

Роман петербургского писателя и литературоведа Андрея Аствацатурова «Не кормите и не трогайте пеликанов», вышедший в конце 2018 года, вызвал очень разные отклики. При этом маятник критических высказываний раскачивался с особой силой: от восторженного восхищения авторской любовью к языку, его мастерским владением, «бережным и чутким любованием»¹ до яростных призывов «совесть иметь», поскольку «размазать жидких соплей на три с лишним сотни страниц под видом худо-

¹ Жучкова А. Андрей Аствацатуров. «Не кормите и не трогайте пеликанов». URL: <http://www.natsbest.ru/award/2020/review/andrej-astvacaturov-ne-kormite-i-netrogajte-pelikanov-2323/>.

жественной прозы – вершина свинства и безнравственности»². Причинами такой широты восприятия и прочтения могут быть разные факторы, но, поскольку «белых билетов» и «красных карточек» этой книге выдано много, остается попытаться понять, «зачем» автор затеял эти «три с лишним сотни страниц»...

Главная метафора романа – образ пеликана. При этом название и обложка книги агрессивно намекают на особенность этой птицы (ее непонятность и непонятность), настойчиво автором декларируемую и охраняемую. Фраза с таблички из лондонского парка – PLEASE DO NOT FEED OR TOUCH PELICANS, – поменяв свою судьбу, лишилась той самой удивляющей «вежливой и увещательной интонации», став вполне себе русским императивом. Писательское требование «не трогать других» никогда в общем не соблюдалось: «не такие, как все» неизбежно притягивали к себе внимание и зачастую были биты за свою инородность. Исключение делалось, пожалуй, для крайней степени инаковости – юродивых.

Люди (и птицы), населяющие роман, разнообразны, зачастую смешны и гротескны, что дало повод критикам говорить о «ехиднейшей пародии на современный способ писательской рефлексии»³. Но, кажется, автор часто уж слишком серьезен в своем тексте, что попирает все законы пародийного жанра.

Это сравнение, противопоставление и уподобление людей и птиц задано с самого начала книги, когда герой сталкивается с разномастными туристами в Сент-Джеймском парке: «По дорожкам, аккуратно огибающим пустые газоны, движутся туристы: семят

² Коровин С. Аствацатуров и его пеликан. URL: <http://www.natsbest.ru/award/2020/review/acvacaturov-i-ego-pelikan/>.

³ Топорова А. Андрей Аствацатуров. «Не кормите и не трогайте пеликанов». URL: <http://www.natsbest.ru/award/2020/review/andrej-astvacaturov-ne-kormite-i-ne-trogajte-pelikanov-2/>.

крикливой толпой низкорослые азиаты, строго вышагивают высоченные скандинавы, проходят, пританцовывая и отчаянно жестикулируя, поджарые итальянцы и испанцы, привозящие сюда, в сырой английский климат, жар Средиземноморья». И буквально на следующей странице автор знакомит читателя с другим миром: «За невысоким ограждением возле воды кипит пестрая птичья жизнь. В кустах, наверное, в поисках тех самых старых жуков, копошатся утки, вдоль берега ковыляют жирные гуси с оранжевыми клювами, у ограды стоят какие-то водоплавающие аляповатого вида, будто наспех раскрашенные, безо всякого вкуса и воображения. Вездесущие голуби ведут себя скромно. Ходят, дергая маленькими головками, и дружно взлетают при малейшей тревоге. Чайки носятся в воздухе, то и дело поднимают истошные крики и принимаются драться из-за добычи. Вороны держатся поодаль, с достоинством, время от времени инспектируя длинными клювами мусорные корзины». И этот мир столь же многообразен, разделен на свои «народы» и «типажи», среди которых особое место занимает странная птица с весьма характерным обликом: массивное туловище, большие крылья, короткие и толстые ноги с широкой перепонкой между пальцами, при этом длинные шея и клюв, на нижней стороне которого – мешок для ловли рыбы. Эта птица отличается особой неуклюжестью и чрезвычайной прожорливостью.

Пеликан – птица со своей культурной биографией, замешанной отчасти на незнании «древнего человека». К излюбленным местам обитания относятся самые отдаленные и заброшенные леса, где они строят гнезда и выкармливают птенцов. Чтобы птица могла накормить своих многочисленных отпрысков, природа снабдила ее широким карманом, в котором пропитание доставляется к месту назначения. При этом сам способ корм-

ления позволил сделать ошибочное заключение, будто птицы-родители разрывают себе грудь, чтобы напитать птенцов своей кровью. Так пеликан обрел статус персонафицированного милосердия и жертвенности: одна из самых известных аллегорий Христа.

Но пеликан – не только символ самоотверженной родительской любви и сыновней преданности, но и своеобразный «знак» преподавательской деятельности. Именно эта птица украшает эмблему Педагогического университета им. А. И. Герцена (изображение пеликана, кормящего птенцов, помещено на воротах при входе в здание университета), а статуэтка «Хрустальный пеликан» вручается лучшему учителю года в России. Главный герой романа – университетский преподаватель зарубежной литературы. И здесь «пеликанья природа» выражена весьма прозрачно. Да и рифмы с пеликанами удастаиваются, как правило, преподаватели и профессора, хотя сравнительные обороты часто бывают брошены автором как бы мимоходом.

Первым автор наделяет своеобразным «пеликанством» профессора, которого главный герой со своей спутницей Катей встречает в аэропорту. Немного комичный и похожий на обрубок, он кажется герою сумасшедшим: «У него почти не было шеи, и маленькая голова казалась будто вылупившейся из туловища. Короткая седая стрижка, короткая кабанья щетина на щеках, вокруг рта, под подбородком. Короткий мясистый нос, на котором плотно сидели металлические очки». И этот «зверь», на которого Катя грубо прикрикнула: «А ну брысь отсюда!», мгновенно превращается в нелепую и растерянную птицу: «Тот сделал вид, что не расслышал, повернул, как пеликан, голову на сто восемьдесят градусов, куда-то назад к чемодану, подтянул его к себе, забормотал что-то под нос».

На страницах романа может, например, «почесать заросший пеликаний подбородок» один из университетских сотрудников, пристроивший героя на работу в вуз, Лугин. С особой настойчивостью автор подчеркивает неуклюжесть профессора философии Петра Алексеевича. Но открыто этот пеликаний слоган звучит ближе к финалу: «Я сделался раздражителен. Стал на нее [Наташу, с которой герой изредка встречается] сердиться, цепляться к мелочам. А потом поднял бунт. Кричал, что нельзя менять порядок в чужом доме, что нужно уважать независимость другого, что не надо кормить и трогать пеликанов».

И это громкое отстаивание собственной независимости, права на самость, инаковость и особость – пожалуй, один из ключевых узлов текста. Именно в этом – обновление образа непутевого и неприкаянного, всегда и везде лишнего интеллигента-очкарика, неспособного встроиться в предлагаемые обстоятельства. Новый поворот в жизни «маленького человека», который оказывается не чеховским Червяковым или Беликовым (хотя, нужно признать, тоже не самый приятный герой нашего времени), но «пеликаном», самостоятельно принимающим решения и не боящимся нести ответственность за собственную жизнь. Слабость, безволие, инертность героя-подкаблучника оказываются своеобразной маской, с которой персонажу удобно жить. Отсутствие четкой системы координат и вечное движение по течению при внимательном прочтении оказываются абсолютным надувательством. Герой, следующий своим представлениям об иерархии ценностей, чести и достоинстве, демонстрирует свою систему взглядов жестко и однозначно. Разговор с американским профессором-калекой или уход из вуза в связи с подлой историей с Аллой Львовной убеждают в этом читателя. В конце концов возвращение на родину. Герой

не утверждает ценность и безоговорочную истинность собственной картины мира, он вполне способен играть на чужом поле, следуя установленным правилам: журнальная, собранная согласно стандартам красавица; «наркотическое гостеприимство» приютившего дома и согласие его отработать (пакет был вывезен из Лондона и ввезен в Россию) и т. д. Герой не пытается менять правила игры, но и в своем монастыре не терпит чужого диктата. Наш герой – не бесхребетный очкастый лузер, образ которого ему пытаются навязать. Но он и не тот «пеликан», на которого можно прикрикнуть «брысь». Герой, не делящий мир на белое и черное, но понимающий его многогранность и многопластовость. И неслучайны бесконечные «полеты во времени»: «Я разглядываю пруд, бывший когда-то каналом, а прежде – рекой. Впереди из воды торчит небольшой остров, похожий на зеленую шайбу. Мне приходят в голову разные мысли о том прежнем хаосе, который когда-то здесь правил. Сент-Джеймссский парк давно уже похоронил этот хаос. Никаких следов той прежней пустоши, тех комариных болот, заваленных гнилыми деревьями, той мрачной реки с раскисшими берегами, заросшими мелким, царапающим ноги кустарником. Теперь здесь уже не слышно зловещего уханья ночных сов, от которого замирало сердце. Вокруг дорожки, лужайки, трава, даже не трава, а так, травка, и мирное покрякивание водоплавающих. Тут, говорю я себе, она стояла, та самая больница, может, даже на месте ресторана. Сюда их как раз и свозили со всего Лондона, всех этих прокаженных, неприкасаемых. Их словно заживо хоронили. Обряд смерти совершали как положено. <... > А потом все закончилось. Так же внезапно, как и началось. Болезнь ушла, прихватив последних пациентов, и король велел осушить болота. Осушили. И на месте лепрозория поставили зверинец. С верблюдом, крокодилом и слоном...».

И город, куда возвращается герой, он зовет «Ленинградом». Пространство, которое существует и которого нет одновременно. Как и все события, происходящие с ним. Есть в этом какая-то пошлая условность – действительность, собранная по шаблонам и лекалам, главная цель которой – простота и доступность. Своеобразные лубочные картинки XXI века с ярко выраженным привкусом девяностых прошлого столетия. И настоящим, действительно реальным кажутся лишь литературные экскурсии и рассуждения на местности. Именно здесь пеликан распускает крылья и летит. Эти птицы ходят, конечно, неуклюже, но хорошо плавают и летают, могут подолгу парить. В полете из-за длинного тяжелого клюва держат шею буквой S – знак «бесконечность». Птица, парящая в вечности. И не существует никого, только чувство бесконечного полета свободы («Я вдруг поймал себя на ощущении, что здесь, несмотря на столпотворение, как будто никого нет»).

Потому пеликан и неуклюж: земля – не его стихия. Хотя увидеть это способны немногие, как в книге Леены Крун «В одежде человека». Пеликана ничто не держит на земле – он массивен, неловок и некрасив, а потому небо – его единственно возможная свобода.

«Посреди пруда плавают два белых лебедя. Один вдруг начинает хлопать крыльями, разгоняется по воде, видно, затем, чтобы взлететь, но тут же успокаивается, складывает крылья, замирает.

– Вот так всегда! – проводив его взглядом, комментирует Катя.

Мне становится грустно оттого, что вот он, такой большой, красивый, захотел и не смог».

Да, становится грустно. И отчего-то неловко...